

УДК 353.2:327(092)Муравьев-Амурский
DOI <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2019.29.50>

Япония в дальневосточной политике Н. Н. Муравьева-Амурского

С. И. Кузнецов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Исследуется дипломатическая миссия генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского в Японию в августе 1859 г. Как известно, после заключения русско-японского Симодского трактата 1855 г. остров Сахалин оставался неразграниченным, что создавало для России угрозу ее дальневосточным берегам и особенно устью Амура. Муравьев был направлен в Японию для урегулирования этого вопроса и с требованием признать за Россией владение островом. Японская сторона настаивала на своей прежней позиции – разделе Сахалина по 50-му градусу северной широты. Единственная дипломатическая миссия Муравьева в Японию не увенчалась успехом, однако при этом генерал-губернатор исходил из того, что Россия должна утвердить свои права на Сахалин исключительно мирными средствами.

Ключевые слова: генерал-губернатор Восточной Сибири граф Н. Н. Муравьев-Амурский, российско-японские отношения, русские дипломаты на Дальнем Востоке, Сахалин, переговоры о разграничении.

Для цитирования: Кузнецов С. И. Япония в дальневосточной политике Н. Н. Муравьева-Амурского // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2019. Т. 29. С. 50–56. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2019.29.50>

Величайшей заслугой Н. Н. Муравьева-Амурского стало включение в состав России значительных территорий на Дальнем Востоке. В русскую историю он вошел и как великий дипломат. Подписанные им Айгунский и Пекинский договоры не только способствовали упрочению русско-китайских отношений, но и сделали возможным освоение русскими Дальнего Востока. Немалые дипломатические усилия приложил Н. Н. Муравьев и для развития отношений с другим дальневосточным соседом России – Японией. Россия была заинтересована в том, чтобы Япония как ближайший сосед не подпала под влияние США, Англии или Франции. Стремясь сохранить свою торговую монополию, интриговала против России Голландия. Не имея возможности конкурировать с этими державами в Японии, Россия должна была не допустить их активизации на Сахалине, Камчатке, у берегов Амура. «Молодой и энергичный генерал-губернатор Муравьев предупредил правительство о той угрозе, которую представляет стремление Англии установить свое господство в Китае и Японии, завладеть русскими землями на Дальнем Востоке, в частности на Амуре», – писал известный российский историк русско-японских отношений Л. Н. Кутаков [4, с. 102]. Особое зна-

чение Муравьев придавал Сахалину, прекрасно понимая его стратегическое значение для России. Еще в апреле 1853 г. он приказал Г. И. Невельскому занять два-три пункта на восточном и западном побережьях южной части острова, построить там укрепления, поставить орудия и поднять флаг Российско-американской компании. К приезжающим японцам предписывалось относиться дружелюбно, убедив их, что их промыслы и торговля будут ограждены от притязаний иностранцев. В 1855 г. Е. В. Путятин заключил в Симодэ первый русско-японский трактат о торговле и границах. Сахалин по этому соглашению оставался не разделенным между Россией и Японией, как это было до сего времени [3, с. 276]. Положения трактата были расширены в договорах, заключенных в октябре 1857 г. и в Эдо в августе 1858 г.

В апреле 1856 г. русское правительство решило продолжить освоение Сахалина, прерванное Крымской войной. Однако это требовало дипломатического урегулирования с Японией. «Генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев в своих донесениях правительству неоднократно предупреждал об опасности захвата Сахалина иностранцами, которые могли создать угрозу у ворот русского Дальнего Востока и преградить русским судам выход в Тихий океан через пролив Лаперуза. Муравьев брался вести переговоры с японским правительством», – писала российский историк Э. Я. Файнберг [6, с. 189]. В январе 1859 г. Муравьев сообщал великому князю Константину Николаевичу: «Мне прислано уполномочие для установления границы с Японией со стороны Сахалина; я сам вызвался на это дело потому в особенности, чтобы оно окончилось без промедления, покуда англичане не водворились в Японии и не вздумали еще захватить уголок на Сахалине. Для успешного исполнения этого поручения, а также для скорейшего установления границ с Китаем я намерен отправиться из Николаевска с эскадрой, по возможности многочисленной в Японию и в Печилийский залив» [1, с. 548]. Муравьев считает эту дипломатическую задачу своей обязанностью и уверен в успехе. В феврале 1859 г. он пишет М. С. Корсакову: «Ты знаешь меня очень близко, а потому не мог сомневаться что я ни в коем случае не оставлю своего места, не исполнив лежащих на мне обязанностей, т. е. окончательного разграничения с Китаем и Японией, а потому, чем бы кончилось нерчинское дело, я все-таки отправлюсь на Амур и в море...» [1, с. 551]. Однако, кроме уверенности, Муравьев рассчитывает и на силу: «Эскадру, которая будет сопутствовать в этом плавании, я постараюсь собрать сколь возможно более многочисленную, чтобы японцы и китайцы могли видеть и морские наши силы» [1, с. 555].

Согласно донесению генерал-губернатора, 3 июня он пришел в Де-Кастри на транспорте «Маньчжур» из Николаевска, 7 июня поднял флаг на пароходе «Америка» и, назначив эскадре порт Хакодате сборным пунктом, отправился туда на пароходе¹. Хакодате на севере Японии был портом, куда разрешался заход русских кораблей, кроме того, здесь находилось и единственное в Японии русское консульство. Консулу И. А. Гошкевичу

---

¹ Мор. сб. 1860. № 1. С. 35.

была поручена организация визита Муравьева в Японию. Посетив по пути устье реки Суйфун в Приморской области, Печилийский залив, Пейхо, порт Вейхай-вей, 22 июля пароход «Америка» прибыл в Хакодате, где собралась уже часть эскадры. Здесь Муравьев перешел на винтовой 46-пушечный фрегат «Аскольд». Судно «Аскольд» водоизмещением 2834 т постройки 1854 г. был одним из первых русских винтовых фрегатов и на тот момент, хоть и изрядно потрепанный морем, являлся наиболее крупным и представительным кораблем эскадры генерал-губернатора. Командовал им капитан 1-го ранга И. С. Унковский. По рассказам капитана Романова, отправленного позже генерал-губернатором в Иркутск с донесением, 22 июля, в день тезоименитства императрицы Марии Александровны, на фрегате «Аскольд» был совершен торжественный молебен, по окончании которого со всех пяти русских судов был произведен салют. «После чего суда наши расцветились флагами, и примеру их последовали и стоявшие на рейде американские и английские купеческие суда. По окончании молебствия прибыл на фрегат губернатор Хакодате с большою свитой с визитом к генерал-губернатору; его приняли в адмиральской каюте, показывали фрегат, машину, орудия, – что японцы рассматривали по-видимому с большим удовольствием и остались, как кажется, всем очень довольны. В этот день у генерал-губернатора на пароходе «Америка» обед, на который собрались командиры наших судов и члены нашего консульства в Хакодате. Вечером в загородной даче близ Хакодате было устроено гуляние с оригинальной иллюминацией из японских фонарей и был спущен фейерверк при большом стечении японцев»².

Наконец 5 августа эскадра генерал-губернатора собралась в виду Канагавы в заливе Эдо (ныне Токийский залив). Канагава в то время – небольшая деревня на западном берегу Токийского залива, которая, соединившись с деревней Иокогама, позже образовала город и крупный порт Иокогама вблизи нынешнего Токио. Здесь возникло и международное поселение, где на правах экстерриториальности жили иностранцы. Кроме флагманского «Аскольда», в состав эскадры Муравьева входили корветы «Рында», «Гридень», «Новик», «Воевода», клипер «Пластун» и пароход «Америка». 15 августа к ним присоединился клипер «Джигит». Эскадра, видимо, выглядела весьма внушительно, тем более что винтовые корветы отечественной постройки типа «Боярин» хотя и устаревали, но не уступали кораблям корветского ранга зарубежной постройки по характеристикам и качеству. Демонстрация военной силы была достаточно явная, тем более что, как пишет американский историк Дж. Ленсенн, «...у японцев было только два винтовых корвета, винтовая яхта и допотопное торговое судно, купленное, как и предыдущие три, у голландцев, но только Бог знает когда. Они не представляли из себя серьезной обороны, так же как и сухопутные силы, вооруженные луками и копьями. Береговые укрепления представляли собой несколько земляных холмов, которые смел бы первый же бортовой залп фрегата» [8, р. 374].

---

² Иркут. губерн. ведомости. 1858. № 44. 29 окт.

О торжественном съезде генерал-губернатора на берег мы можем судить по запискам мичмана А. Корнилова, опубликованным им в «Морском сборнике». «После нескольких посещений фрегата чиновниками и наконец полномочными, и по устройству помещения в одном из храмов, назначен был день для этой церемонии. При съезде главнокомандующего с фрегата на пароход «Америку», вся эскадра при салюте расцветилась флагами и послала людей по реям. На пароходе, избранном потому, что он мог подойти к берегу мили на полторы, т. е. более нежели вдвое ближе того расстояния, в котором стояли наши суда, ожидали уже главнокомандующего почти все офицеры эскадры, назначенные участвовать в церемонии... Мне впервые еще пришлось видеть такую парадную морскую картину: множество шлюпок, наполненные офицерами в полной форме, спешили наперегонки к берегу. Там у самой пристани ждали нас японские чиновники и батальон, составленный из экипажей всей эскадры. Вид трехсот лихих матросов наших под ружьем, молодые и веселые лица гардемарин и юнкеров, составляющие знаменные ряды, красивые гвардейские мундиры батальонного командира и адъютанта, и оглушающие крики «рады стараться ваше сиятельство», все это должно было произвести на народ впечатление, если бы только тут был народ. Небольшое число японских лиц, выглядывавших из лавок и переулков, я никак не могу назвать народом, и объясняю его отсутствие не недостатком любопытства, а распоряжением полиции. А картина, право, была так хороша, что произвела бы эффект и в России. Открывал процессию батальон с неумолкаемыми барабанщиками и горнистами... а замыкали его мы, свита человек из 40, или верхами на японских лошадях с раззолоченными седлами»³.

12 августа состоялось первое заседание. Муравьев указал, что император поручил ему вести дружественные переговоры с японским правительством о проведении границы по проливу Лаперуза, так как Сахалин с давних пор принадлежит России и имеет большое значение для обороны ее дальневосточных окраин, особенно района Амура. Муравьев также известил японских уполномоченных о намерении императора восстановить снятый в 1854 г. пост в Аниве. Японцам был предложен проект двустороннего соглашения, по которому граница устанавливалась по проливу Лаперуза, а рыболовные промыслы японцев оставались в их частном владении под защитой русских законов. Переговоры вскоре зашли в тупик, поскольку японцы настаивали на своей прежней позиции – раздел Сахалина по 50-му градусу северной широты. В японской литературе и значительной части западной позиция Муравьева оценивается негативно [4, с. 142]. Американский исследователь Ленсен писал, что «неуклюжая попытка Муравьева-Амурского обмануть и напугать японцев, требуя уступить остров Сахалин, вызвали большое негодование в Японии» [8, р. 377]. Заявив японским уполномоченным Эндо Тадзима-но-ками и Сакаи Укёносукэ, что прекращение переговоров не

---

³ Мор. сб. 1860. № 4. С. 111–112.

означает разрыва дружеских отношений России с Японией, 24 августа Муравьев отбыл на родину.

Посольство Н. Н. Муравьева в Японию было омрачено трагедией – 13 августа, в самом начале переговоров, нападению подверглись русские моряки, отправившиеся в Иокогаме за провиантом. Были убиты мичман Р. Мофет, матрос И. Соколов, ранен буфетчик А. Корольков. Инцидент подробно описан в корреспонденциях «Морского сборника»⁴, названных книгах Ф. Я. Файнберг и Л. Н. Кутакова. В книге А. А. Хисамутдинова этому событию посвящена глава, в которой приводятся материалы дела об убийстве моряков из РГА ВМФ [7, с. 33–37]. В 1968 г. известный советский японист и филолог В. Н. Горегляд опубликовал перевод письма японских властей русским морякам как реакции на убийство. Как считал автор публикации, приведенный документ лишней раз свидетельствует об отсутствии враждебности у японских властей по отношению к русским морякам и подтверждает, что традиционно гуманное, добрососедское отношение русских дипломатов к Японии в то время не было случайным, а диктовалось обоюдными интересами обеих стран, вне зависимости от привходящих обстоятельств [2, с. 147].

Толки вызвала последовавшая вскоре статья в английской «Таймс» за 17 ноября 1859 г. «Морской сборник» опубликовал ее полностью. Корреспондент откровенно рассуждал: «Был ли это простой разбой на дороге со смертоубийством, как неизбежным следствием, или это было делом мщения и ненависти? Говорят, что один или несколько чиновников были отставлены от должности, – по жалобе графа Муравьева, – за оскорбления, нанесенных некоторым русским в Эдо, и полагают, что эти-то чиновники были главными действующими разбоя»⁵. Характерен и вывод, который делает английская печать: «При нынешнем положении дел в Европе, конечно, было бы странной случайностью, если бы Англия, Франция и Америка, были обязаны заступничеству сибирского генерал-губернатора и непредвиденному присутствию могущественной русской эскадры, личной безопасностью своих дипломатических агентов в Японии, равно как возможностью поддерживать свое положение»⁶. Впрочем, и некоторые японские авторы считают это нападение естественной реакцией на иностранцев. «После открытия Японии для внешних сношений в 1854 г. лозунг «изгнания варваров» был особенно распространен среди самураев низшего ранга. Они призывали уничтожить иностранных врагов Японии. Первыми жертвами этого призыва стали русские – мичман и два матроса», – пишет Накамура Синтаро [5, с. 195.].

Н. Н. Муравьев проявил дипломатическую сдержанность и ограничился требованием, чтобы японское правительство принесло извинение за этот инцидент, уволило губернатора Иокогамы, разыскало и строго наказало преступников. «...Граф Муравьев-Амурский не счел нужным противу слабых употребить превосходные силы нашей эскадры, находившейся в его

⁴ Мор. сб. 1859. № 11. С. 106; 1860. № 12. С. 106.

⁵ Там же. С. 107.

⁶ Там же. С. 109.

распоряжении, а приняв во внимание деятельное и особенное участие Японских властей при следствии, произведенном флигель-адъютантом Поповым, заботы местных властей о несчастных жертвах преступления, публичное соучастие представителей Японского правительства в торжественной похоронной процессии убиенных Русских, совершенно приличное обстоятельству поведение и поступки народонаселения в Иокогаме, во время торжественных похорон...»⁷. По мнению иностранцев, находившихся в то время в Иокогаме, Муравьев проявил удивительную сдержанность. В то же время Дж. Ленсен считает, что «в этой умеренности есть доказательство того, что Россия в это время не строила никаких агрессивных планов против Японии» [8, p. 387].

Единственный дипломатический визит Муравьева в Японию был признан неудачным и даже вызвал разочарование в Петербурге, хотя общее отношение к Японии не изменилось. Что касается самого генерал-губернатора, то о своем посольстве он писал так: «Побывав в Японии, я соглашаюсь с мнением Путятина, что с этим народом гораздо приятнее иметь сношения, чем с китайцами; должен также отдать ему справедливость, что сношения, начатые им с этим народом оставили в них хорошее впечатление о русских: они нас любят больше, чем американцев; но и здесь не понимаю страсти Путятина учить! Выучатся они всему сами и без нас, особенно морскому делу; а нам бы лучше самим учиться, чем учить людей, которые скоро нас перецеголяют!» [1, с. 559]. Российско-японские переговоры о принадлежности Сахалина были продолжены в Петербурге в 1862 и 1867 гг.

Список литературы

1. Барсуков И. П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам : материалы для биографии. М., 1891. Кн. 1. 672 с.
2. Горегляд В. Н. Новый документ о посольстве Н. Н. Муравьева-Амурского в Японию (1859 г.) // Страны и народы Востока. Вып. 6. М. : Наука, 1968. С. 144–147.
3. Договоры России с Востоком политические и торговые. Собрал и издал Т. Юзевович. СПб., 1869. 326 с.
4. Кутаков Л. Н. Россия и Япония. М. : Наука, 1988. 384 с.
5. Накамура Синтаро. Японцы и русские. Из истории контактов : пер с яп. М. : Прогресс, 1983. 304 с.
6. Файнберг Э. Я. Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М. : Изд-во вост. лит., 1960. 312 с.
7. Хисамутдинов А. А. Токио-Иокогама: русские страницы. Владивосток : Издат. дом ДВФУ, 2012. 313 с.
8. Lensen George Alexander. The Russian Push toward Japan. Russo-Japanese Relations, 1647–1875. N. Y. : Octagon Books, 1971. 552 p.

---

⁷ Мор. сб. 1860. № 15. С. 38.

Japan in the Far Eastern Policy of N. N. Muravyev-Amursky

S. I. Kuznetsov

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the diplomatic mission of the Governor-General of Eastern Siberia N.N. Muravyev-Amursky to Japan in August 1859. As is well known, after the conclusion of the Russian-Japanese Simoda treatise in 1855, Sakhalin Island remained unlimited, which created a threat to Russia's Far Eastern shores and, especially, the mouth of the Amur river. Muravyev was sent to Japan to resolve this issue and demanding that Russia recognize ownership of the island. The Japanese side insisted on its previous position – the division of Sakhalin by 50 degrees north latitude. The only diplomatic mission of Muravyev to Japan was not crowned with success, but at the same time, the governor-general proceeded from the fact that Russia should assert its rights to Sakhalin exclusively by peaceful means.

Keywords: General Governor of Eastern Siberia, Count N. N. Muravyev-Amursky, Russian-Japanese relations, Russian diplomats in the Far East, Sakhalin Island, negotiations on delimitation.

For citation: Kuznetsov S.I. Japan in the Far Eastern Policy of N.N. Muravyev-Amursky. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2019, vol. 29, pp. 50-56. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2019.29.50> (in Russian)

References

1. Barsukov I.P. *Graf Nikolaj Nikolaevich Murav'ev-Amurskij po ego pis'mam, oficial'nym dokumentam, rasskazam sovremennikov i pechatnym istochnikam. Materialy dlya biografii* [Count Nikolai Nikolaevich Muravyev-Amursky in his letters, official documents, stories of contemporaries and printed sources. Materials for the biography. Vol. 1]. Moscow, 1891, 672 p. (in Russian).
2. Goreglyad V.N. Novyj dokument o posolstve N.N. Murav'eva-Amurskogo v Yaponiyu (1859 g.) [New document on the embassy of N. N. Muravyev-Amursky to Japan (1859)]. *Strany i narody Vostoka* [Countries and peoples of the East]. Moscow, Nauka Publ., 1968, vol. 6, pp. 144-147. (in Russian).
3. Dogovory Rossii s Vostokom politicheskie i torgovye. Sobral i izdal T. YUzefovich. [Russia's political treaties with the East. Collected and published T. Yuzefovich]. Saint-Petersburg, 1869, 326 p. (in Russian).
4. Kutakov L.N. *Rossiya i Yaponiya* [Russia and Japan]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 384 p. (in Russian)
5. Nakamura Sintaro. *Yaponcy i russkie. Iz istorii kontaktov* [Japanese and Russians. From contact history. Transl. from Japan]. Moscow, Progress Publ., 1983, 304 p. (in Russian)
6. Fajnberg E.Y. *Russko-yaponskie otnosheniya v 1697–1875 gg.* [Russian-Japanese relations in the years 1697–1875]. Moscow, Publishing house of Oriental Literature, 1960, 312 p. (in Russian).
7. Hisamutdinov A.A. *Tokio-Iokogama: russkie stranicy* [Tokyo-Yokohama: Russian pages. Vladivostok, FEFU Publishing House, 2012, 313 p. (in Russian)
8. Lensen George Alexander. *The Russian Push toward Japan. Russo-Japanese Relations, 1647–1875*. N. Y., Octagon Books, 1971, 552 p.

Кузнецов Сергей Ильич

*доктор исторических наук, профессор
Иркутский государственный университет
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
тел.: 8(3952)24-38-75
e-mail: s.kuznetsov@mail.ru*

Kuznetsov Sergey Ilyich

*Doctor of Sciences (History), Professor
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, Russian
Federation
tel.: 8(3952)24-05-22
e-mail: s.kuznetsov@mail.ru*